

Г. М. ПРОХОРОВ

Иоанн Кантакузин. Диалог с иудеем.

Слово четвертое*

(Славянский XIV в. и современный переводы)

НА ИУДЕЕ СЛОВО ЧЕТВРТО

л. 226

Ц а р ь: Вѣси явѣ еже о диаволу мало прѣжде сих реченное нами, яко святъ сѣ, и аггелъ, и умь прѣнебесны, не съблюде чинь, на нем' же създанъ бысть, нѣ, помысливъ положити прѣстоль свой на облацѣх и быти подоб'нѣ Вышнему, низвержень бысть вьмалѣ и бысть, якоже речесе, вьмѣсто убо свята грѣшнѣ, вьмѣсто же свѣта тма, вьмѣсто же небесна и высока умь небрѣгомь. Подобнѣ и Адамь, рукою Божию създанъ и надъ всѣми иже под небесемь врученъ власть имѣти от Бога, еже послѣжде и Иисусомь Навиннѣмь и Илиемь Фесвитѣниномь бысть извѣстно: овь убо удръжа солнце, другѣи же, Илия, небо заключи, — нетлѣнием же почтень бывъ вещьшее къ инѣмь и бесъмртьтием, не прѣбысть въ чѣсти, нѣ пожелавъ быти богъ. Ово убо не бысть, изгнанъ же бысть паче и от краснаго оногo райскаго жител'ства, и тлѣние и осуждение нетлѣнна измѣни.

л. 226 об.

Видиши ли како никтоже намнозѣ ругатисе можетъ истинѣ и поруганъ бысть когда Богъ. Слыши же нѣчто и дру||го. Иродь, рызу нѣкогда много — цѣнну облѣченъ, на висоцѣ сѣде сѣдалищу, яко да высокъ будетъ в' сѣмь, иже от Тура и Сидона къ нему приходещимь. Прѣдстоюя убо весь съборь, Ироду дарующе, «Гласъ божий сѣ, — възупише, — а не чловѣчъ», оногo рекше сиде нарычуще. Подобаше убо запрѣтити хулившим и коснутисе. Онъ же таково убо ничесоже показа, яко убо кротко хулное вьмѣсти, въ ребра от аггела божеств'ною стрѣлою ураненъ бысть, не болѣнна исте-завъ бысть томления, чрвьимъ окаянно бывъ брашно.

Что же убо кто глаголетъ о Озии? Не самъ ли убо за еже покадити дрзьость проказу по всему процвѣте тѣлеси, пророчество же вьсма отступи отъ езыкь? А еже вещьше убо, яко не в мало нѣкое врѣме, нѣ дондеже убо бѣ онъ, по скончанъи же пакы възвратисе и дасться езыку от Бога, о нем' же и Исаяя, вьзнаменуе врѣме, рече: «Въ лѣто, въ не же умрѣ Озия царь, видѣхъ Господа, сѣдеща на прѣстолѣ высоцѣ и прѣвъзнесенѣ». И оставлю Дафана и Авирона и дрзьость и томление и Илино осуждение дѣтѣи радѣ своихъ бесчинна и свѣрѣп'ства, яко убо мяса прѣжде врѣмене жрѣтвь ядѣбаху.

л. 227

Видиши ли, како не чловѣком' же || единѣмь съгрѣшив'шимъ Богъ, нѣ ни же аггелъ пощедѣ.

Како прочее, аще прѣльстникъ бѣ Иисусъ и богопротив'нѣ и елика ина прѣродителіе убо твои и тѣ ниня на моего Христа и Бога похулилъ еси, не по прѣдреченныхъ томленийъ едва убо их' же прѣльсти истеза и имже Сына Божия себе ясно проповѣдаше и равна Богу и Отцу и равну имуща власть на небеси же и земли, и видѣвъ его видѣти Отца, и иже въ нѣ вѣро-

* Предыдущие «слова» см.: ТОДРЛ. Т. 41—43.

вав'ших не узрѣти смърть, душев'ную явѣ яко? Како аще не по свѣсти сия глаголаше своему (тцу и Богу, не иже от него на в'сакъ день дѣйствуемымъ чудесемъ възбранение нѣкое от Бога наиде, или убо по смърти оного не противисе что им'же оного проповѣдающимъ имѣ, и убо многымъ отвѣсуду сътекущимсе страховомъ же и бѣдамъ, нѣ в'се супротивное — худѣмъ чловѣкомъ дванадесет и неявлениемъ прикръвленнымъ, рыбарие бо бѣху и мытари и усмошв'ци, вселенна приступи в'са и иго еуаггел'ское под'емше — за еже от онѣхъ дѣйствуемыхъ знаменій и чудесъ о имени распятаго по плѣти Христа. И убо самъ Христос, послае ихъ на проповѣдь, «Се послаю ви, — рече, — яко овце — яко овце посрѣдѣ влъкъ». Како убо иже посрѣдѣ таковыхъ же || и толицѣхъ не яко убо вълкомъ, нѣ лъвомъ и змыевомъ дивимъ, кнеземъ реку и съ мучители и царии живуще, не тъкмо не удръжани быше, ни же спѣдени от онѣхъ, супротивное же паче: кроткихъ иже на толицѣхъ неукротимыхъ показаше и от всѣхъ овыцъ кротчайшихъ. Да не убо помыслиши сего ради добрѣ теци проповѣдь, яко никтоже бѣ иже от онѣхъ глаголемымъ противляесе, толици бо бѣху отвѣсуду об'стойещей и възбраняющей сипе горцѣхъ изгнанае проповѣдающихъ, яко трепеть быти и тъкмо помыслити. Коньц' же и мѣча дѣло в'сѣхъ сътворише развѣ малыхъ. Нѣ ни сице удръжати възможе всѣхъ сущое силѣ чуднаго и паче ума оного апостол'скаго учения. О семъ убо паче съложитесе иматъ кто, яко не чловѣчскы бѣ крѣпости еже в'сѣмъ убо мнимаго онѣхъ умаленна побѣдите, и в'сѣхъ же онѣмъ велми прѣтешимъ и чловѣчскими начел'ствию веле хвалещимсе выш'шимъ показоватесе, нѣ Богу единому и единороднаго его Сына и Бога. Кто бо убо изычетъ, колицимъ на къждо день звѣремъ о проповѣдаемыхъ тии же апостоли съплетахусе и иже тѣхъ ради вѣровавшей въ Христа и колицими и каковѣми виды смъртны и от колицихъ ни||злагаеми бѣху! Нѣ ни сице можаше что от любви отлучити проповѣдаемаго иже въ нѣ единою вѣровавшихъ, — не суровство мучитель, не неизреченныхъ и странныхъ мукъ пѣстрое, ни ино ничтоже наводимыхъ, нѣ сладцѣ пице в'сакые и живота яже о ономъ мучения с смърти вьмѣняху. И елико паче страдаху, толико всѣхъ къ себе привлачаху. Тмами бо иматъ кто показати не многихъ тъкмо и не назнаменаныхъ, нѣ и зѣло свѣтлѣхъ, и самыхъ царь показовати, елици проповѣди прилагаше и вые волею сущи подкланяху игу Христову. Ни бо ниня прѣжде ста теки проповѣдь, прѣжде даже в'са подсолнчнаа испльнитсе разума. И ниня узриши вселеную удобна в'сѣхъ и бѣдѣ, и смърти с Еуаггелиу дръзающе. Не убо ни же оно кто рещи иматъ, яко силу убо вѣровавшей и крѣпость одѣяни бѣху мир'скую, лишаеми же прѣмудрость и еже словомъ повинования. Яко убо разаряти, аще хотѣли би, и борити простоту проповѣди, ни же пакы супротивное прѣмудрость убо истачаху, рукою же лишаеми бѣху. Нѣ по коемуждо сихъ сматрати кто възсохчетъ, тмами убо обрѣщетъ иже на Еуаггелие противещихсе и неудръжана ислѣвшихъ, овѣхъ убо и по коему || ждо, овѣхъ же и по обоихъ възмогшихъ. Нѣ ни же сице лъжа на истинѣ похвалисе. Даже убо безгодно ниня съ от иныхъ и инако не оставлю, яко неудобно, кая от иже в'сегда бѣсещихсе на Христа Максимианову нѣкоторому бѣшениу и Диоклитианову изравнитсе, Рыма сущихъ многословущаго, паче же в'су мала дръжещихъ вселен'ную? Колике тме чловѣкъ мученици тѣхъ ради показашесе! Убо възмогше ли и колико-любо тврьдое и бестрастное поколѣбати истинѣ? Никакоже. И бо пръвѣе ти и царство, отврѣг'ше, отложише, получение приемше невѣждьствьныхъ, и же къ смърти удръжаше вѣрующимъ прѣклоненое.

Что убо речеша, идеже вѣщ'шаа от их'же на земли, прѣмудрость реку и сила, и растегае очи и сырѣбывающе усмошв'цемъ чловѣкомъ и рыбаремъ и толикихъ числомъ крѣпко побѣдише, и закони убо попрани быше положившимъ е умрѣшимъ царемъ, нѣккимъ же и самѣмъ еше сущимъ, рыбаарскыи же и усмошв'вѣцъ законъ цѣвти и процѣвте и в'сегда, якоже рещи, растетъ толицѣмъ и сия прѣшѣдшимъ лѣтомъ, отнелиже проповѣдающе скончашесе? Прочее убо не велику ли чудесе || испльнь есть, како

проповѣди малаа искра не угасе толицѣми напастными бурами и умноженъмы и толицѣми противными вѣтры и бурами сатанинскими?

Тѣ же убо имаши ли противу рещи что реченным, или добрѣ непщуети сими указану Божию Сыну быти Христу и Богу, якоже и тѣ добрѣ указа имиже съдѣла и всѣм прѣдпроповѣдано бысть пророкы и иже прѣжде ихъ святыми мужъмы, или трѣбовати намъ еще къ чистому непщуети указаний глаголеши убо?

К с е н ь: Яко убо не чловѣчскыя силы, нь божествъныя суть съдѣланаа, благоявленно. Бога же азъ Иисуса рещи не имамъ. Вамъ же езыкомъ буди Богъ и Господь, иже и от оного нарычатисе христиане прѣбесте, мѣ же иже того сътворшому Богу служителе есмы, не трѣбуемъ развѣ оного иного Бога исповѣдовати или служение кое-любо мѣсто его и поклоняние въздавати. Обаче убо, кыхъ пророкъ и святыхъ рекль еси проповѣдати Бога распетѣго чловѣка?

Ц а р ь: Реченънаа убо мною, Ксеню, о распетомъ Христу и Богу благоразумъствуующу убо кому выистину доволна убо непщевашесе и доверяема къ увѣренію Бога купно тогожде быти и чловѣка нас ради. || Елма же сице непщуети подобати къ истинѣ противитисе, самыя явѣ вещи проходящимъ мнѣ повинути имут и зѣло неразумнаго и жестокаго.

Обаче оно убо вѣждь, яко ни иного кого Бога мѣ почитаемъ паче иже в'са сътворшаго, ни же иного убо вѣмѣняемъ вашего, иного же нашего, нь самого оного непщуетъ, иже от Егугита отце ваше изведшаго рукою крѣпкою и мышцею высокою, и на нь есмы уповающе, иже Авраамовъ и Исааковъ и Иаковъль Богъ. Уповахомъ же не Моусеомъ, ни же Закономъ: въ истину бо убо и мѣ не много отстояли быхомъ вас, — нь Иисусомъ Христомъ и Еуаγγελіемъ. Вашъ убо Законъ Ведьхъ убо есть и въ Хоривѣ данъ бысть, еуаггел'скаа же благодать от Сиона, по пророческому изыде слову, «От Сиона бо, — рече, — изыдетъ Законъ, и Слово Господне из Иерусалима», Новѣ реку Завѣтъ, протекши въселеную. Законъ же на законъ положенъ бывъ, сущаго прѣжде его устави, и Завѣтъ потомъ бываемъ пръвѣго подобіѣ раздруши. Вѣчны же законъ и коньчны дано бысть Еуаггелие и Завѣтъ вѣр'нь, иже есть самъ Христосъ, по немъ не законъ, **л. 230** не повелѣние, не заповѣдь. Исайа бо рече: «Услышите мѣне, услышите, людие мои, и царие къ мнѣ внимайте, яко Законъ от мене изыдетъ, и судъ мой въ свѣтъ езыкомъ. Приближаетсе скоро правда моя, и изыдетъ спасение мое, и на мышцу мою езыци уповаютъ». О семъ убо толика.

Елма же навикнути хочещи, кыи суть прѣдпроповѣдавшей святии и пророци Бога быти Христа, егоже распета рекль еси чловѣка, пръвѣ убо вѣдѣти ти подобаетъ, яко самъ тѣ себѣ падаещи и истинное неволею исповѣдалъ еси, распетого нарыче, распетъ же бысть не поемуже Богъ, елма божество бестрастно и в'са Богу повинуютсе, нь поемуже чловѣкъ, волею же убо о всѣхъ спасенію и да от срѣды клетву сътворитъ.

К с е н: И аще не понужди, нь самъ волею, якоже глаголеши, умрѣтъ, убийца убо себѣ непщеватисе влѣпноту и душевному томленію достоенъ.

Ц а р ь: Много нѣчто, Ксеню, въ словесехъ обоихъ посрѣдѣ различное, нь чюдо убо ниедино купно съ инѣми невѣдѣти ти и сѣ.

Убийца бо себѣ глаголетсе въправду иже себе убивы, а не о любимыхъ любве не пощедѣвъ себе и смърть подѣмъ. Таковѣ бо не самоубийца, нь другъ достоинъ истинън' нарычетсе убо, яко себе о любимыхъ издасть, **л. 230 об.** да онѣхъ, аще си||це случитсе, належущихъ смъртий измет. Сиа выистину чловѣколюбиа и Христосъ принесетъ паче благодатию, нежели таковѣми съгрѣшенъмы подлежитъ. Ни бо яковъ же сѣ еже съ аггели тоговѣхъ съдѣтел'ствии луч'ше, глаголю ния чловѣка, мучима зрѣти отъ нечестиваго, Богъ сѣи, бысть плоть, и ни же сѣ тѣкмо, нь и силу самую въ смърть прѣдасть лютѣйшу, ничесоже въсма достойно съдѣлавъ смърти, нь да тѣчу упразнить дръжаву имущаго смърти, сирѣчь диавола, и тому любъзное чловѣчское естество отъ сатанинскыя изметъ нужде, пръвѣ убо отъ него почтенно,

себе же за еже къ идоломъ пристрастна отуждившу еже и почт'шому и възлюбльшому Богу.

Позна ли убо, колико что другъ другу разнь'ствова еже на себе глаголю неистов'ствовати еже о любви кому умрѣти и любимых? Аще убо навыкнувъ имаша, аще ли нѣ, от нашихъ глаголемых, егда тебѣ о Христѣ пророческыя скажемъ глаголы, якоже просилъ еси, будутъ ти и сиа явлен'нѣйша. Внимати убо длѣжно есть, на она бо греду.

Чюдный Соломонъ въ «Иовѣ» яко от лица рече Божиа: «Прѣпояши яко мужъ чрѣсла своа, выпрошу же те, ты же ми отвѣщай: Где бѣ, егда основахъ Землю? Възвѣсти ми, аще вѣси разумъ. Егда быше звѣзды, л. 231 възхвалише ме гласомъ велиемъ вси аггели мои и възспѣше. Загради же мору врата, положи же тому прѣдѣлы и рѣхъ ему: Даже до сего приидени и не прѣидени, нъ въ себѣ съкрушетсе влны твое. Възвѣсти ми, аще тѣ, възьмъ брение, създаде еси животно и глаголиво тѣ положи еси на Земли? По стопахъ же безднѣ ходилъ ли еси? Отвѣзаятъ же ли ти се съ страхомъ врата съмыртнаа? Вратници же адови, видѣвше те, ужасоше ли се? Отвѣщавъ же, Иовъ Господеви глаголетъ: «Вѣмъ, яко в'са можеша, не невъзможно же тебѣ ничто же. Слухомъ убо уха услышахъ те пръвѣе, ниня же око мое видѣ те». Виждь убо внимае, якоже бо Давидъ злоратнаго и неудобьпобѣдимаго оного варвара, Голиафа реку, главу единѣмъ врыжениемъ працею съкруши, сице и ваше тврдѣне в'се единѣмъ симъ глаголомъ сънизвержена быше. Инаа бо в'са, сирѣчь еже «Где бѣ, егда основахъ землю», и еже «Егда быше звѣзды, възхвалише ме гласомъ велиемъ в'си аггели мои и възспѣше», и еже «Загради мору врата», и еже «Аще тѣ, възьмъ брение, създаде еси животно и глаголиво тѣ положи на Земли?» — Бога несумненно иже сиа съдѣлаваша прѣдставляеть. л. 231 об. А еже «Отвѣзаятъ ли ти се страхомъ врата съмыртна; вратници же адови, видѣвше те, ужасоше ли се?» где кто убо възнести имат, аще не въ иже по плъти распетаго Бога, егоже адови стражие, бѣсове явѣ яко, видѣвше, ужасошеса, якоже воску, по Давиду, растаявшусе от лица огню и, яко дымъ, тмѣ прѣдани быше? Якоже бо еще сѣ непостоянна въ онѣхъ имѣаша дръжа, и овъ убо повелѣваше, овѣ же невидими бываху, а иже от онѣхъ дѣйствиемы от узъ свобаждяхусе. Сице убо и въ адѣ тежку тѣмъ наведе рану, крѣпко удръжавъ же и запънь и узами обложивъ нерѣшимими. Съ сими бо убо и божеств'наа съисповѣдуютъ Давыдова, егда поет: «Плъть моя вселитсе на упование, яко не оставиши душу мою въ адѣ, ни даси же прѣподобному своему видѣти истлѣнша, яко иже въ адѣ съмыртну съхождение Христово и съ властиу пакы възкресение и сиа проповѣдающа. Кто бо от в'сего вѣка, умрѣ, не растливсе тѣломъ развѣ Христа? Сего бо тлѣние убо приеть, распрежение реку еже въ немъ умныя душе, растлѣние же, сирѣчь раздрусение, никакоже. Триднев'нъ бо воста, якоже бо от мор'скаго звѣра утробы Иона, тогово и сѣ образуе погребение и тридневное възкресение. л. 232

Еще рече Моуси въ книзѣ Бытиа: «Вплъ Сodom'скы и Гомор'скы умножисе къ мнѣ; съшьде узру. Авраамъ же бѣ стое прѣдъ Господемъ. И приближивъ се, Авраамъ рече: Не погубиши праведнаго съ нечестивымъ, и будетъ праведникъ яко нечестивы. Аще будутъ петдесеть праведникъ въ градѣ, не оставиши ли его петдесете ради праведникъ? Никакоже сътвориши сѣ Судей в'сей земли. Рече же Господь: Аще обрѣщу въ Содомѣхъ петдесеть праведникъ, оставлю в'се мѣсто тѣхъ ради. И отвѣщавъ Авраамъ рече: Ниня начехъ глаголати къ Господу моему, азъ же есмь земля и пепел. Аще обрѣщутсе четыридесет и петъ? И рече Господь: Аще обрѣщутсе четыридесет и петъ, да оставлю градъ». Сице убо от'емле Авраамъ присно от количества, доиде и до десете. Таже рече: «Отиде же Господь, яко прѣста глаголе Аврааму».

Видиши ли, како от нихъ же о Адамѣ рѣхомъ, и о нихъ же Богъ бесѣдова Иову, и от Авраамовѣхъ и Мелхиседека божеств'ное таин'ство Христова възплъщения показовашеса? Аще бо и въ рабѣ образъ Аврааму показасе

Сынъ Божий, яко чловѣкъ бо явися, нъ чистаа праведнаго душа, яко
 а. 232 об. Бога || сего еже бѣ позна.

Кого убо быти рече въльшагосе Аврааму? Богъ убо и Отець не бѣ, елма явивѣсе яко чловѣкъ явися, въ немъ же образѣ никогда же Богъ пророкомъ явися. Ангель не бѣ: когда бо или Моуси, или инъ кто от пророкъ, въ память пришѣдъ ангела, Господа того и судиу именована? Что убо изостаеъ ино? Нужда в'сака Сыну быти Божиу и Слову, иже Богъ естъ тѣжде и чловѣкъ. Заеже убо яко чловѣку явитисе Аврааму будущее прознаменовашесе въплочение, якоже и самъ Богъ рече: «Съшѣд, узру». Заеже Господа того нареци Авраамъ же и Моуси и суща в'сей Земли, и милующа и наказующа егоже помиловати хоцет и показати, божество явѣ показовашесе, еже бо судити и миловати и гнѣватисе не иному кому, развѣ Богу. А заеже рещи паки, яко, «Аще обрѣщу толицѣхъ или толицѣхъ, оставлю градъ» начелное и величье бесѣдующаго познавашесе.

Не тъкмо же, нъ и Авраамовъ отрокъ Исаакъ — образъ аще кто Христовъ и тѣ бѣше сѣ. Якоже бо Авраамъ Исаака на гору пожрѣти въведе, сице и Богъ своего Сына въ миръ посла жрѣтву себе о всѣхъ спасениу приносеща Богу и Отцу. И якоже Исаакъ убо не умрѣт, закланъ же бысть
 а. 233 вмѣсто же его явлейсе овнь, сице и Сынъ убо и Слово, божество реку, не пострада, Адамова же плѣть под'ет съмръть, якоже нѣкый овнь, на жрѣтву непорочну и святу възложена бывши.

Еще же убо и иже съ Иаковомъ борив'се и обнощевавъ, вьнегда боритисе, кто убо когда бѣ и что выпросившому Иакову отвѣща, егда того выпроси: «Что ти естъ име?» — «Почто, — рече, — выпрашаеши име мое, и сѣ естъ чюдно». Аще убо ангель былъ, како неизреченно быти рече свое име? Не якоже убо от послѣдняго чина ангель, нъ и от првѣаго сихъ священноначел' ствиа не мала от ангел'скихъ именъ познана быше. Аще ли же сѣ, како неизреченно рече быти и чюдно, аще ангель бѣ, свое име? Нѣсть рещи. Извостаеъ же убо Богу быти таковое имущу име. Се бо послѣди запрѣти и Моусеу Богъ, аще нѣдци выпрашаютъ его, от кого посланъ бысть и что пославшому име, иже «Сѣ» тъкмо глаголати и множае ничтоже. Съматрай же, како якоже при Авраамѣ яко чловѣкъ явися Сынъ Божий, сице и zde: яко чловѣкъ съ Иаковомъ борисе — прѣжде толику лѣту и сиа тогова въплыщения.

Еще Моуси божеств'ны пророкъ, въплыщение его проповѣдуе, глаголаше: «Възвеселитесе, небеса, купно съ нимъ, и да поклонетесе ему ||
 а. 233 об. в'си ангели Божии; възвеселитесе, езыци, съ люд'мы его, и да укрѣпетесе ему вси сынове Божии, яко кровь сыновъ ихъ отмъщает и отмъститъ, и възда мсть врагом, и ненавиждащимъ его въздасть, и очиститъ Господь землю людей своихъ». Прочее, еже рещи «да поклонетесе ему вси ангели Божии» двѣма лицама являемо: Божиу реку и иже от ангель Божиихъ поклоняемому. Явлено, яко не убо кто инъ поклоняемый будет, развѣ Божий Сынъ, емуже толико благоговѣние и почѣсть ангели даяху Богу. Не сѣ же тъкмо пророкъ въ сихъ, нъ и иудейское разорение и языкомъ показа възвание: «Възвеселите бе се, — рече, — езыци съ люд'мы его, и да укрѣпетесе ему в'си сынове Божии, яко кровь сыновъ своихъ отмъщает, и отмъстит, и въздасть мсть врагом, и ненавиждащимъ его въздасть, и очиститъ Господь землю людей своихъ» — языкомъ явѣ яко.

Еще тѣжде рече Моуси Сына и Слова Божиа проповѣдае въплыщение: «Въскрѣситъ Господь Богъ отъ братий нашихъ пророка, яко мене, и в'сака душа, яже не послушаеъ пророка оного, потрѣбитсе». Еже убо «яко мене» ничтоже ино показуеъ, развѣ яко чловѣкъ естъ пророчествуемы и от
 а. 234 Бога будет, || а не прѣльстникъ нѣкто или лжепророкъ. А же «отъ братий нашихъ» — яко отъ Еврей будет, а не отъ языка иного. Да аще кто мнитъ мнози лжепророци и прѣльстници въ Иудеу приидоше, послѣди глаголетъ, яко пророкъ естъ и отъ Бога, ни да вѣруетсе, ни да приемлетсе, нъ да отрынетсе отвѣсуду яко льстивъ же и прѣльстникъ. В'са же мысль реченному такова нѣкаа естъ: вьистину, якоже язъ отъ горькыя работы

Егуптѣиъ вас раздрѣших и Ззконь къ спасениу дах, сице и иже мною проповѣдаемы пророкъ ниня свободитъ весь мирь от погубныи власти и мучител'ства дияволя и незаконныи идол'скыи и скврннѣйшее службы и Законъ свободженія в'сѣмъ даруетъ. И пророкъ же Давидъ: «Рече, — глаголетъ, — Господь Господеви моѣму: сѣди одесную мене, дондеже положу врагы твое подножии ногама твоима».

К с е и: Зде, цару, ни же удръжати прочее себе имам: аще бо и в'са инаа нудещесе къ нашему прѣлагати хотѣниу, се не никтоже възмощи прѣложити инде нѣгде, от в'сѣх вѣдомо въ Езекиу речено быти.

Ц а р ь: Аще убо была би нѣкаа закрываема объетаа псалму, якова многа множицею речена быше пророкы гадагелнѣ и неудобнѣ, имѣал' би убо нѣкое мѣсто хотей како-любо злодѣйство||вати. Елма же мнѣ сѣ ниня прѣжде иныхъ тыщател'но бысть еже в'са убо яже о Христѣ пророчества многа и неудобь исповѣдима суща изьоставити, нужднѣйшаа же избрати и рассмотреть и им'же не убо кто ни же иже зѣло неразум'нѣ супротивъ рещи имат, по коемуждо тебѣ в'са яже псалма сего сказати покушусе. л. 234 об.

Пръвѣ бо убо разумѣи, кто есть сиа глаголей, яко царь выистину. Аще убо сице есть, а не инако, како въ начетцѣхъ глаголе: «Рече Господь Господеви моему»? Кого глаголетъ Господа себѣ? Еда убо Езекиу? И како не бесловесно и тъкмо въ умѣ носити еже Господа себѣ Езекиу иже от единого Бога царствуема и обладаема Давиду рещи? Нѣ аще не и Езекиу, есть ли инога нѣкоего Давиду обрѣсти господина? В'сако никогоже. Прочее, Господа глаголетъ, сирѣчь Бога. Къ егову Господу, сирѣчь Христу, рещи одесную сѣдѣти Бога и Отца. Будут' же ти паче явлена, еже таковою мыслию сиа Давиду рещи, от их'же по сихъ наводимыхъ.

Что бо рече: «Жъзль силѣ послет тебѣ Господь от Сиона, и удовлѣвай посрѣдѣ врагъ твоихъ. С тобою начел'ство въ день силы твоее въ свѣтлотахъ святыхъ твоихъ. Ис чрѣва прѣжде дѣнице родих те. Клется Господь и не раскатесе: тѣ еси священ'никъ въ вѣкы по чи||шу Мелхиседекову»? л. 235

Еже убо «сѣди одесную мене» къ чловѣку рече Богъ, егоже Сынъ восприет и Слово его, врѣменно възьмѣ начел'ство по плъти, и освяти его от самого зачетна и прослави. Хоте убо пророчьское слово овому убо Бога и Отца безначелна указати, овому же чловѣка, егоже Сынъ и Слово его восприет, врѣменно начел'ство имущу, еже «сѣди» рече — еже тѣлесемъ есть и тврѣдое же, паки и прѣбывателное и почѣсти величие сѣдалищемъ являе. Плеть убо, юже от нас Господь приетъ, еже къ божеству съединенія и освятисе, и еже одесную Отца сѣдалищемъ почтена бысть. Божество же никакоже убо тѣлеснымъ причестисе страстемъ.

Якоже бо желѣзо, огню съединив'се, свою чръность и студень не подасть огню, онога же зари и свѣтлости, якоже и топлотѣ, причестисе, сице и Божий единороднѣи Сынъ и Слово: тѣ убо подасть плъти иже своего божества похвалы, сам' же оно не причастисе страстемъ'. Съедини же се той, никоеже смѣшение или измѣнение никаково убо под'етъ по божеству. Прѣбыв' бо Богъ, иже и прѣжде съединенія бѣ, в'се освяти восприетие, и прослави, и еже одесную Отца сѣдалищемъ почтете.

Десна же Божиа рече не яко тако||вѣ или лѣва имущу Богу, не убо, ни якоже основану сѣдущу или стоящу, или елика суть тѣлесе творещу или страждущу, елма сихъ вьнѣ есть в'сѣхъ, яко вещьественнымъ сущимъ, тѣ же въздѣ сѣи и в'са испильная, нѣ сѣдалищемъ и десными чѣсти паче-естественное прѣдставляе. л. 235 об.

Врагы же рече положити подъ нозѣ его — дияволя, съмръть и идолы почитающихъ и упование на не имущихъ несмыслнѣи. Ибо аще и жити въ нѣкыхъ дияволь ниня мнитсе, нѣ истинною умрѣт и погыбе, раздрушену бывшу купно мучител'ству и силѣ его, спыншу его и свезавшу Христу, и всѣхъ, ихже прѣжде възможе поясти, от утробы его крѣпко извлѣче.

Се бо и Давидъ прозрѣвъ, «Възъшьдѣ, — пояше, — на высоту», сирѣчь на крестъ, «плѣнилъ еси плѣнъ и даль еси даянна въ чловѣцѣхъ», сирѣчь

сущимъ убо под областиу диаволею, паче же от оного нуждею дръжимых, раздрѣшивъ, отпустилъ еси, супротивные же все его силы даишиа чловѣком даль еси, сирѣчь попираемомъ быти и поругаемом от нихъ же прѣжде порабощенымъ тѣмъ сѣтворилъ еси, иже яко вѣистину имену чловѣка не лъжущих. Овѣ убо от Еллинъ прѣ||мудри животно быти чловѣка уставляют словесна, мрътвно, ума и художества приемител'но, еже истинно убо есть.

Нь нѣсть сѣ иже истому и сущому чловѣку съврѣшенъ прѣдѣлъ. Сѣ бо убо будетъ истиною чловѣкъ, иже нескврѣнно и цѣло еже по образу и по подобію съхранивъ. Еже убо глаголахом, силу Господь адову и царства раздрушивъ, дасть того въ поругание и уничижение святимъ. Аще ли же и жити еще мнитсе, заеже не въ коньць прѣдану быти ждущому его огню, ново ничтоже. Аще бо убо приступит къ нѣкоторымъ, приет будетъ въ начелѣ, своя дѣеть, в'сакомъ образомъ съподѣлники тѣхъ своему осужденію и погыбѣли хытрѣствуе показати. Аще ли же таковѣмъ, ихъ же рѣх, прилучитсе не иже къ истинѣ лъжеющимъ чловѣка, далече нѣгде отгонимъ есть, от рабъ Божиихъ попираемъ. Подобнѣ же и смръть и тлѣние, яже прѣслушаниа ради Адамъ и его ради иже от него осуждени быше, раздрушивъ, бесмрътие и нетлѣние дарова чловѣкомъ. Не убо же, нь и идол'ское служение же и поклоняние съврѣшеннѣ потрѣби.

Се бо есть еже «дондеже положу врагы твое подножие ногами твоима», — врагы убо тому же и Отцу, ибо единому сихъ врагъ и обоимъ врагъ есть. 4. 236 об. От срѣды сѣ||твори свой разумъ же и служение, едино истинно и праведно, в'сѣмъ дасть.

Тѣ же не яко съпособствующу Сыну Отцу не могущу еже «дондеже убо положу врагы твое» рещи възнепщуети, нь яко едину свою же и сыновню хоте показати силу. Якоже бо въ Еуаггелиихъ Сынъ рече: «Никтоже приходит къ Отцу, тѣчи мною», — сице ниня рече Отець: «Мною врази твои падут под ногама твоима, жъзль силѣ послет тебѣ Господь от Сиона, и удалѣвай посрѣдѣ врагъ твоихъ». Кый убо есть иже от Бога жъзль от Сиона посланъ, и къ кому посласе? Къ Езекии ли убо? Никакоже. Нь къ чловѣку, егоже Сынъ и Слово Божие въсприет. Послати рече жъзль силѣ от Сиона, — крестъ сице нарыче, иже въдрузисе въ Сионе. «От Сиона бо, — рече Исая, — изыдетъ Законъ, и Слово Господне от Иерусалима». Якоже бо жъзль имат убо пастѣвную нѣкую силу еже от пастира, имат же и отразителню тѣжде звѣрий, сице убо и крестъ и Еуаггелие иже убо божеств'ное сѣтворяющимъ крычение и прѣбывающимъ въ немъ и апостолскимъ внимаютъ учениемъ же и прѣданиемъ упасительнѣ нѣкый бѣ жъзль, на божеств'ные пажити и на нетлѣнные наставляющу рае, невѣрующимъ же 4. 237 и противещимсе — жъзль силѣ, овѣхъ убо || възвращающу заблуждаемыхъ же и отскачущих, овѣхъ же и въсма отгонещу: крестомъ бо побѣжденъ бысть диаволь. Крестомъ и именем, иже на немъ притвожденному, множайшаа и многа испльнь чюдеса быше. Что юже о множае глаголати? Креста ради и Еуаггелиа в'са въселенаа къ божеств'ной проповѣди приступи, и быше рабы убо Христу, сынове же по обѣтованиу Авраамли Христомъ, яко от Авраамля сѣмене сущу и самому Христу. Тогда убо посрѣдѣ врагъ своихъ удалѣ.

Внимати же подобаеъ пророчьскимъ словесемъ опаснѣству: како не рече «побѣждай» врагы свое, нь «одолѣвай»? Есть бо побѣждати не одолѣвати же врагом: егда кто честь силы врагом низложить, тѣхъ не въсма поработи. А еже удалѣвати — еже въсма повиновати себѣ кому врагы есть. «Одолѣвай» убо рече, являе аде прѣзлную же свою силу и еже въ коньць низврѣжение врагом его. Подобнѣ и еже «посрѣдѣ» силное покажутъ крѣпости одолѣвающаго. Толицѣми бо проповѣдъ и велицѣми врази об'ступлена же и посрѣдѣ оставлена, прѣвыше явисе от всѣхъ, овѣхъ убо посрамль и яко звѣри отгнавъ, овѣхъ же и присвоивъ себѣ. 4. 237 об. Ра||зумѣй убо, колицѣмъ и великимъ посрѣдѣ странамъ и градомъ, от истов'ства идол'скаго бѣсецихсе, жрътвѣници и храми сами же апостоли

и по онѣхъ иже проповѣдь прѣмшеи назидоваху же и устраяху, и сна, еже рѣхъ, многими ранами и томленны нестрѣпимыми отражаеми.

«С тобою начел'ство въ день силы твоее», сирѣчь естество, а не отъвнѣ приходещу, якоже многимъ. Се бо есть еже «с тобою», еже единому есть Богу, а не иному. Еже бо тѣжде Давидъ въ иномъ рече псалмѣ: «Царство твое царство въ сѣхъ вѣкъ, и владычество твое въ в'сакомъ родѣ и родѣ». Сѣ тожде и ниня рече, «С тобою, — глаголе, — начел'ство въ день силы твое». Кѣи день? Въ иже крестъ дръзновение имѣти имать, въ иже езыци в'си твою непобѣдимую разумѣютъ силу и безмѣрное съхождение, еже и бысть. Обращение бо сѣ езыкомъ тѣжде и паки Давидъ, прѣдзре, глаголаше: «Веселитесь езыци съ людмы его», и паки: «Хвалите Господа в'си езыци, похвалите его в'си людше», и Исайа: «Будеть корень Иесеевъ, и вьстаей обладаты езыки, на нѣ езыци уповаютъ въ свѣтлотахъ святыхъ твоихъ». Коимъ сим? Пророкомъ, апостоломъ, || мученикомъ, преподобнымъ, л. 238 иже въ очю безумныхъ нещевани бывше умрѣти, овѣ же суть въ руцѣ Божии и въ смирени, якоже рече Соломонъ, иже и паче солнца, якоже еуаггел'ское рече слово, просияють въ второе Христово пришъствие.

«Ис чрѣва прѣжде дѣниче родих те». Кого кто убо иже отъ в'сего вѣка прѣжде солнца речеть родитисе? Вьистину ниединому. Аще убо не Езекию сами, лъжуще, речете. А еже натолицѣ испытанное есть, яко ни о самѣхъ аггелъ сѣ нещевати есть, яко да не кто убо о нѣкоторымъ отъ сихъ речено быти сѣ възнепщуетъ. Еже «ис чрѣва» прилежитъ, да прѣдставитъ еже къ рожденному единосущное рождѣшаго.

Зрѣ же, како пророкъ имже рече Бога тогожде истинна и чловѣка извѣстно прѣдставляетъ и тожде имуща существо рождѣшаго Отца. Вънегда бо рещи «рече Господь» Бога яви и Отца, а еже навести «Господеви моему» и еже «сѣди одесную мене дондеже, убо положу врагы твое подножие ногама твоима», и еже «жъзль силѣ послеть тебѣ Господь отъ Сиона», и паки же «одолѣвай посрѣдѣ врагъ твоихъ» — симъ в'сѣмъ чловѣка показа, егоже Сынъ и Слово Божие въсприетъ, а въ еже рещи || «ис чрѣва прѣжде дѣниче родих те» искрънное сынов'ства и существо тождѣства. Аще бо многа нужда, якоже нѣгде речено бысть, подобно себѣ раждати комуждо и животнымъ, и садовомъ, далече же, якоже подобаетъ, вещь же иже паче в'сѣхъ Богъ единосушна Сына себѣ раждаеть. Еже бо «ис чрѣва» подобиа явител'но, инако же чрѣво разумѣти при Бозѣ бесловесно. л. 238 об.

«Клетсе Господь и не раскается: ты еси священ'никъ въ вѣкы по чину Мелхиседекову», — якоже бо рече, Мелхиседекъ священникъ бѣ вышняго Бога, и царь тѣжде сѣ Салиму, сирѣчь смирениу, иже обѣтованиа имущому патриарха Авраама срѣтъ, отъ царей сѣча възвращающасе, благослови его и десетины отъ него възеть, сиче и Христосъ священ'никъ убо есть, яко себе о в'сѣхъ спасениу заклавъ, толико Мелхиседекъ развн'ствовавъ, елико овъ убо, чловѣкъ сѣ, якоже подобаше, умрѣтъ, Христосъ же въ вѣкы есть священникъ, единѣмъ приношениемъ закланъ бысть и прѣбывае въ вѣкы. И якоже онъ еже по плъти убо отца Авраама иудеомъ, по обѣтованиу же езыкомъ в'сѣмъ, иже въ обрѣзани и иже въ необрѣзани, благослови, а еже мнѣшее отъ большаго благословляеться, и десетины отъ него при||етъ, сиче л. 239 и еже по чину Мелхиседекову бывъ священникъ Христосъ в'сѣмъ езыкомъ бысть Господь, и иже въ необрѣзани и въ обрѣзани. Ни бо мали и отъ сихъ вѣроваше въ име его, нѣ и много отъ невѣровавшихъ множае.

А еже «Клетсе Господь и не раскается» сѣ хощетъ явити, яко елма в'сакъ кльнѣсе или недостоина себе еже вѣровану быти нещущесе заклинаеться, да клетвы ради удостыитъ глаголемаа, или слышешаго малодушна вѣды и никако же вѣруема, аще не и клетву приложитъ глаголемыи. «Клетсе» рече Богъ не себе ради, каа бо бѣ потрѣба? вашѣхъ же ради отецъ непокор'ства и злонавиа же и жесточьства, яко Христосъ будетъ въ вѣкы священникъ по чину Мелхиседекову, а не по чину Ааронию. Нѣ ничтоже паче, ни таа клетва доволна бысть вамъ въ увѣреніе, ни же неразумное сръдце ваше

въ разумъ приведе, нь яже о Христѣ божеств'нымъ симь пророцѣм речена на Езекиу бесловеснѣ прѣложитьи не облѣнистесе.

А еже «ис потока на пути пиет, сего ради възнесет главу» еже уставу пице и житиа его простое же и неукрашеное показует, абие же глаголе, яко иже толико себе смѣривъ и толико убожество прошьдь, яко ни || же главу имѣти подклонити где, нь и жежду от каковѣх-любо потокъ и от прилучившихсе водѣ исцѣляе. Сѣ възнесет главу, явѣ яко юже приети благоизволи чловѣч'ское естество и на небеса възведет сѣ, одесных Отца посадивъ. Еда убо не въ Христа, нь въ Езекиу изыдоше сиа? И кто сиче вьнѣ вьсма еже мудрѣствовати паде, якоже и тѣкмо въ умѣ положити? Яже убо въ настоящимъ псалмѣ такова суть и сиче явѣ в'са Христа проповѣдают.

Да сьматраем' же и яже въ сед'мьдесетомъ и прьвомъ псалмѣ томужде пророку о Христѣ речена: «Бог, — рече, — судъ твой цареви даждь, и правду твою сыну цареву».

К с е н ь: Прочее убо, ни же сиа намъ кромѣ злодѣйства оставляютсе, нь сѣ властию и сихъ наскакающе на Иисуса ли приемлете? И убо всѣмъ явѣ суть, яко къ своему сыну Соломону Давидомъ суть речена сиа, иже и царь, и царевъ есть сынъ.

Ц а р ь: Видиши ли, о Ксеню, како еже въ горнихъ словесехъ въ многихъ рѣчехъ, яко многа прѣльсти ваше виновна быше, сѣ истинно ниня събывшеее видит ли се. Или убо единоимен'ства въ сихъ, яко царь Соломонъ и царевъ есть сынъ, или права удобное, оставляю бо рещи стрѣпотно, и и//нако еже къ Христу мрьско прилежати прѣльсти виновно намъ сѣ бысть, и инаа по удивльшихсе вьмѣсто сущихъ зрѣти нещуете, и сѣни яко истину приемлюще присно от прѣродителъ своихъ кыйждо по чаянию лъжу якоже нѣкое наслѣдие приемлюще и им' же по тѣхъ сее учителяе устраеми. Яко убо еже рѣхъ, многа же нужда писпасти вамъ и съкрушитесе, самѣмъ же слѣпотующимъ, и таковѣмъ инѣмъ, послѣдующимъ руководителемъ. Ваши бо прѣродителіе много от истины погрѣшише, и вѣ от онѣхъ ничтоже мьне, аще не и паче онѣхъ отгнани бысте. Нь сиа убо да оставимъ. И лъжнаа и изобрѣтеннаа сиа прѣдприетиа пиан'ства навькнеши нещуете еже ниня быти.

Сьматрай же, аще не от всѣхъ непрѣкословна тебѣ яветсе яже многу реченаа. В'са бо прочее настоящего псалма велико имут видѣние и дивно, изредна же есть от всѣхъ прьваго стиха мысль. Аще убо и свѣрѣпишисе и противитесе истинѣ хощещи, нь азъ, поелику мощно мнѣ есть, покушусе тебѣ в'са угладити къ глад'чайшому и явленнѣйшому, якоже и въ прѣждныхъ мнѣ сътворено бысть.

«Боже, — рече, — судъ твой цареви даждь». Къому царю? Оному, емуже въ четиридесе||томъ и четвертомъ псалмѣ тѣжде рече Давид, яко: «Прѣстоль твой, Боже, въ вѣкы вѣка, жьзль правости — жьзль царствия твоего. Възлюбиль еси правду и възненавидѣ безаконіе, сего ради помаза те, Боже, Богъ твой елеемъ радости паче причестникъ твоихъ». Сматрай убо в'са по коемуждо. Вьнегда бо рещи «Прѣстоль твой, Боже, въ вѣкы вѣка» показа божеству Сына величье и царствия вѣчнующее же и безконьчное и присносущное. А въ еже рещи, яко «жьзль правости — жьзль царствия твоего. Възлюбиль еси правду и възненавидѣль еси безаконіе» чловѣка, егоже Сынъ възприеть, в'са яже суть плоть къ истинѣ възприемшу, развѣ грѣха. Сѣ бо и заеже «възлюбиль еси правду» назнаменоваше и «възненавидѣль безаконіе». А въ еже пакы приложити «сего ради помаза те, Боже, Богъ твой елеемъ радости паче причестникъ твоихъ» обое рече, Бога купно тогожде и чловѣка въ съставѣ единомъ показавъ. Еже бо «помаза» плоть являет, тѣ бо помазана бысть, а еже «Боже» — Сына, вьмѣсто еже «о, Боже» помазана, «Богъ твой» же пакы — Отца, къ възприетию възношение имѣе, сему бо есть Богъ, а не Сынъ. Вьмѣсто звател'ные же zde правѣ, еже «Боже» явѣ яко, сказавшимъ вѣдомо бысть богодѣхновен'ное

Писание сед'мь||десетымъ, яко паче от иныхъ еллин'скихъ бесѣдъ афинскихъ

дръжещимв. Въ онѣхъ бо множайшѣ кто убо обрѣщеть по сему износима образу, якоже «другъ» вмѣсто «о, друже». Сиде убо и зде еже «Боже» разумѣно бысть вмѣсто «о, Боже». А еже «Богъ твой» Отца являет къ въсприетию, якоже рѣхом, възводимо, въсприетию бо есть Богъ Отець, а не Сыну.

Ты же да не, двѣ естество слыше, чловѣку же и Богу, и два сына такожде, Сына реку Божиа и сына чловѣку, двѣ сѣстава възмниши быти или два раздѣлена сына, нь оно, еже прѣжде мала тебѣ указателнѣ от нас речено бысть, въ умѣ положи: еже огня и желѣза реку. Якоже бо желѣзо и огонь, другъ другу съединившесе, единъ сѣставъ бывають, иному въсма сущу коемуждо естество, сиде и мой Христос, Богъ сѣ по естеству единосущнѣ Отцу, единъ сѣ плтиу сѣставъ, съединив'се ему, бысть несказанно и в'сакого слова прѣвыше. Кое бо убо слово такового чюдесе постигнет, како двѣ естество иноплеменнѣ и въсма несмѣснѣ, еликоже по уму чловѣчскому, единъ бысть сѣставъ, съединившесе крайнѣ сѣвршениымъ и сиа соб'ствиа коемуждо съблюдаемо и сѣлтиу или смѣшениу въсма не послѣдовавшу, развѣ елико при || желѣзу убо и огню: желѣзо бысть сѣставъ огню, при Христу же супротивное — Сына Божиа сѣставъ и сѣставъ бысть плти.

В'сако понеже, якоже речено бысть, еже «Богъ твой» къ въсприетию простирается и къ сему възведение имат, по еже рещи, яко «жъль правости — жъль царствиа твоего. Възлюбиль еси правду и възненавидѣль еси безаконие» наводит якоже нѣкотораго таковыя добродѣтели тому данно въздание, еже «сего ради помаза те Богъ твой елеемъ радости паче причестникъ твоихъ». Кыхъ убо сихъ? Священники же и царие обычай бѣ, и бо сущимъ под судомъ царемъ и священникомъ главамъ масло помазания сѣ рогомъ сѣ изливати, якоже нѣгде и божеств'ны пророкъ помазанъ бысть Давидъ, на нь паче истекшу и въскочив'шу елеу, нь убо и Сауль от иже и Давида помазавша Самуилу и прѣжде сихъ Аарона въ священника от Моусеа брата и пророка.

Зри же и како не рече, яко «помаза те Богъ елеемъ» просто, нь «елеемъ радости». Иже убо прѣжде Христа помазани в'си священници же и царие масломъ мазахусе растворениымъ, чловѣкъ же, егоже Сынъ Божий въсприет, радости елеемъ божественнымъ и прѣсвятымъ помазасе Духомъ. Сѣ бо || Христову прѣсвятую плть и помаза, и освати възнесшусе. И въ онѣхъ убо отчести духовнаа благодать даашесе, а въ еже по чину Мелхиседекову и цару и священнику Христу в'са дарованиа, в'са даниа, самое испльнение божества въселесе тѣлеснѣ, еже ни на кымъ никогда от всѣхъ мощно есть рещи, развѣ иже паче естества и паче постижения в'сакого аггел' же и чловѣкѣ бывшему чловѣку от прѣсвятые и приснодѣвы Марие.

Конецъ еже «На Иудеохъ» четвертому слову.

Vindobonensis Palatinum, Slav. 34.

* ЧЕТВЕРТОЕ СЛОВО ПРОТИВЪ ИУДЕЕВЪ *

И м п е р а т о р: Ты, конечно, знаешь то, что немного раньше я сказал тебе о дьяволе: будучи святым, ангелом и умом, превосходящим небо, он не удержался в том чине, в каком был создан, но, помыслив утвердить свой престол на облаках и уподобиться Всевышнему, он следом за тем был низвержен и стал, как известно, вместо святого грешным, вместо светлого темным и вместо ума небесного и высокого умом заблудившимся. Подобным образом и Адам, созданный Божьей рукой и получивший от Бога власть над всем под небесами, — это Иисусом Навином и Илией

* За проверку этого перевода благодарю доцента кафедры классической филологии ЛГУ А. И. Зайцева.

Фесвитянином было впоследствии обнаружено: один удержал солнце, а другой, Илия, заключил небо, — и, главное, наделенный сверх всего прочего нетлением и бессмертием, он не удовлетворился этой честью, но пожелал быть богом. Этого не произошло, он же оказался изгнан из того прекрасного райского обиталища и таким образом променял нетление на тление и осуждение.

Как видишь, никто не может долго глумиться над истиной, Бог же никогда не бывает поруган. Послушай и еще кое-что. Некогда Ирод, облекшись в драгоценную одежду, сел на высоком сиделище, видимый всем, давая суд всем приходящим к нему из Тира и Сидона. И вот однажды стоявший вокруг него народ, приветствуя его, закричал: «Это божий, а не человеческий голос», — его голос, стало быть, так называя. Подобало бы схватить кощунствующих и наказать. Он же ничего такого не предпринял. И за то, что он так спокойно воспринял кощунство, ангел ранил его в бок божественной стрелой, и он поплатился за свое безумие и стал жалким кормом червей (см.: Деяния апостолов, 12, 20—23).

А что сказать об Озии? Не у него ли все тело покрылось проказой за то, что он дерзнул сам походить (см.: 2 Паралипоменон, 26, 16—23), а дар пророчества не отступил ли сразу от народа? Еще более замечательно то, что — не на какое-то малое время, но на все время его жизни, по кончине же его вернулся и вновь был дан народу от Бога, о чем и Исайя, отмечая это время, говорит: «В тот год, когда умер царь Озия, я видел Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном» (Исайя, 6, 1). Не стану говорить о Дафане и Аврионе, об их дерзости и наказании (см.: Числа, 16) и об осуждении Илия за нечестие и наглость его детей, евпих мясо прежде времени жертвы (см.: I Царств, 2—4).

Как видишь, не только людей, но и ангелов согрешивших Бог не пощадил. И если Иисус был богопротивным обманщиком и всем прочим, что твой предки и ты сейчас сказали хульного о моем Христе, как же тогда Бог в соответствии с вышесказанным не покарал вскоре тех, кого тот обманул и кому он ясно провозгласил, что он — Сын Божий, равный Отцу и равную с ним имеющий власть на небе и на земле, и что видевший его видел Отца, и что уверовавшие в него не увидят смерти, имеется в виду смерти душевной? И если он говорил это не сообразно с мнением своего Бога и Отца, как же тогда Бог не воспрепятствовал творимым им каждый день чудесам или по смерти его никак не воспротивился проповедникам его имени, хотя к ним отовсюду стекались опасности и беды, но получилось совершенно противоположное: к двенадцати простым людям, ибо они были рыбаками, сборщиками податей и шпивальщиками палаток, вся вселенная приступила и взяла на себя евангельское ярмо — по причине совершаемых ими знамений и чудес именем распятого по плоти Христа. И сам ведь Христос, посылая их на проповедь, сказал им: «Вот, я посылаю вас, как овец среди волков» (Матф., 10, 16). Как же, пребывая среди таких и такого количества не то что волков, но более, чем те, свирепых львов и драконов, — я имею ввиду вельмож, тиранов и царей, — они не были ни побеждены, ни съедены ими, скорее напротив: они таких неукротимых победили и сделали их более кроткими, чем овцы. Не делай из этого вывод, что проповедь шла гладко и никто не сопротивлялся тому, что они говорили, потому что вокруг них было столько людей, препятствовавших им и жестоко изгонявших проповедников, что страшно и подумать. В конце концов все они скончались от меча, за исключением немногих. Но даже это не смогло противостоять силе чудесного того и превосходящего ум апостольского учения. Всякий согласится, что не человеческой силой совершилось то, что все были побеждены их мнимой простотой, сами же они оказались выше всех, кто вопил на них и человеческими властями похвалялся, — но единственно силою Бога и его едиnorodного Бога-Сына. Ибо разве возможно сосчитать, сколько раз каждый день и сами апостолы, и от них воспринявшие веру во Христа схватывались со зверями за то,

что они проповедовали, и скольким видам разных смертей со стороны какого количества гонителей они подвергались! Но и это не смогло заставить отступить от любви к проповедуемому единыжды в него уверовавших — ни жестокость тиранов, ни изощренность бесчисленных и чудовищных наказаний, ни какие бы то ни было другие средства, но слаще всякого наслаждения и жизни для них были наказания и смерть за него. И чем больше они страдали, тем больше всех к себе привлекали. Можно ведь насчитать десятки тысяч не только простых и незаметных людей, но и очень известных, можно даже и царей указать, воспринявших проповедь и добровольно подставивших свои шеи ярму Христову. Движение проповеди прекратилось ведь не прежде, чем вся вселенная наполнилась божественным знанием. И теперь ты можешь видеть, что вся вселенная охотнейшим образом подвергает себя всем опасностям и смерти ради Евангелия. Никто ведь не скажет, что людей заставили поверить сила и мощь, значит — премудрость и сила убеждения, заключенная в слове. Так что отвергнуть и низвергнуть простоту проповеди они могли бы, если бы захотели, — они-то напротив премудростью не изобиливали, — одной рукой. Если браться рассматривать все это в деталях, то можно найти десятки тысяч противников Евангелия, с неудержимой силой на него бросавшихся и поодиночке, и разом. Но и таким путем ложь над истиной не восторжествовала. Пропуская других, поскольку говорить о них сейчас не время и некстати, скажу вот что: кто из когда-либо безумствовавших против Христа может сравниться по бешенству с Максимианом и Диоклетианом, правившими многократно воспетым Римом и, пожалуй, почти всей вселенной? Сколько десятков тысяч мужчин и женщин мучениками из-за них оказались! А смогли ли они хоть сколько-нибудь поколебать крепость и неприступность истины? Нисколько. И вот, сначала отречьшись, они сложили с себя царскую власть, решив принять судьбу частных людей либо усвоив откошение к смерти, разделяемое верующими людьми.

Можешь ли ты указать другой случай, где самое большое, что есть у земных существ, — я имею в виду мудрость и силу, — ежедневно отличало бы и сопровождало шивальщиков палаток и рыбаков, числом разительно уступавших своим противникам, и законы, установленные царями, по уходе их нарушались бы, а иногда еще и при них; закон же рыбаков и шивальщиков палаток распространялся бы и процветал и продолжал бы расти, несмотря на то что прошло столько и таких лет с тех пор, как проповедники скончались? Так не великое ли чудо, что малая искра проповеди не погасла в испытаниях такими вихрями и потрясениями, такими встречными ветрами и бурями сатанинскими?

Есть у тебя что возразить на мои слова, или ты считаешь, что я ими хорошо показал, что Христос есть Сын Божий и Бог, — то, что и сам он хорошо показал своими делами и что прежде него было провозвещено всеми пророками и раньше них жившими святыми мужами, или ты считаешь, что для чистоты доказательства надо еще что-то сказать?

К с е н: Ясно, что это делалось божественной, а не человеческой силой. Но Богом Иисуса я назвать не могу. Пусть для вас, язычников, назвавших себя по его имени христианами, он будет Богом и Господом, но мы, служители Бога, сотворившего и его, не имеем нужды исповедовать какого-то другого бога и тому вместо него воздавать какое бы то ни было служение и поклонение. О каких, однако же, пророках и святых ты сказал, что они провозвестили о Боге как о распятом человеке?

И м п е р а т о р: То, что я уже сказал, Ксен, о распятом Христе-Богe, для благожелательного человека было бы совершенно достаточно, чтобы убедить его считать того Богом и в то же время ради нас человеком. Но ты полагаешь, что истине надо сопротивляться; я же все-таки думаю, что сами факты, по мере того как мы их будем рассматривать; способны будут убедить и очень неразумного и непреклонного человека.

Так вот что знай: мы считаем Богом не иного кого, как творца всего,

и не считаем нашего Бога иным, нежели ваш, но имеем в виду именно того Бога, который крепкой рукой и мышцей высокой вывел ваших отцов из Египта, и надеемся мы именно на Бога Авраама, Исаака и Иакова. Но возымели мы надежду на него не благодаря Моисею и не благодаря Закону: в таком случае мы ведь не многим бы отличались от вас, — но благодаря Иисусу Христу и Евангелию. Ваш Закон Ветхий и он был дан в Хориве, евангельская же Благодать вышла с Сиона, по слову пророка: «Ибо от Сиона, — сказал он, — выйдет Закон, и Слово Господне из Иерусалима» (Исайя, 2, 3), — имеется в виду Новый Завет, обошедший вселенную. Закон занял место предшествовавшего ему закона, и Завет, появившись потом, подобным же образом упразднил его. Евангелие же было дано как вечный и совершенный закон, истинный Завет, каковой есть сам Христос, за которым уже не последуют ни закон, ни повеление, ни заповедь. Исайя сказал ведь: «Послушайте меня, послушайте, люди мои, и цари мне внимайте: от меня изойдет Закон и суд мой во свет для народов. Приближается скоро правда моя, и изойдет спасение мое, и на мышцу мою будут надеяться народы» (Исайя, 51, 4—5). Но хватит об этом.

А раз тебе хочется узнать, какие святые и пророки провозвестили, что Христос, которого ты назвал распятым человеком, есть Бог, то прежде всего пойми, что, назвав его распятым, ты сам в себя попал и невольно исповедал истину, ибо он был распят не как Бог, — божество ведь не подвержено страданию, и Богу все повинуется, — но как человек: ради спасения всех и дабы освободить людей от проклятия.

К с е н: Если добровольно, как ты говоришь, а не будучи принужден, он умер, то, стало быть, его надо считать самоубийцей, чья душа заслуживает за это кары.

И м п е р а т о р: Между одним и другим, Ксен, громадная разница, но ничуть не удивительно, что ты среди прочего не знаешь и этого.

Самоубийцей по справедливости называется тот, кто себя убил, а не тот, кто из-за любви к любимым им людям не пощадил себя и пошел на смерть. Не самоубийцей такого человека, а истинным другом подобает называть как жертвующего собой ради любимых, чтобы, если возможно, избавить их от угрожающей им смерти. И Христос как раз за такое человеколюбие заслуживает скорее благодарности, нежели подобных обвинений. Ибо будучи Богом и видя, что губитель мучит того, кто был наилучшим, превосходящим ангелов творением его, — я имею в виду человека, — он стал плотью и, более того, предал ее на смерть, притом на смерть наихудшую, не сделав совершенно ничего, достойного смерти, для того только, чтобы одолеть того, кто имеет силу смерти, то есть дьявола, а возлюбленную им человеческую природу, изначально им почтенную, но затем по причине пристрастия к идолам отчуждившуюся от почтившего и возлюбившего ее Бога, освободить от сатанинского ига.

Понял теперь, чем одно отличается от другого, то есть бешенство, направленное на самого себя, от смерти ради любви к любимым? Если понял, хорошо, если нет, то из дальнейших моих слов, когда я стану приводить тебе, как ты и просил, пророческие изречения о Христе, тебе это сделается яснее. Итак, слушай теперь, я как раз к этому перехожу.

Удивительный Соломон в книге «Иов» говорит как бы от лица Божия: «Препояшь как муж чресла твои, я буду спрашивать тебя, а ты отвечай мне: Где ты был, когда я основал Землю? Ответь мне, если знаешь, что такое разум. Когда появились звезды, восхвалили меня громким голосом все ангелы мои и воспели. Я заградил море воротами, положил ему пределы и сказал ему: До сих пор дойдешь и не перейдешь, но в тебе сокрушатся волны твои. Ответь мне: ты ли, взяв прах с земли, создал животное и говорящим поставил его на Земле? По следам бездны ходил ли ты? Отверзаются ли тебе со страхом ворота смерти, привратники же адские, увидев тебя, ужасаются ли? В ответ Господу Иов говорит: Знаю, что ты все можешь, нет для тебя невозможного ничего. Слухом уха слышал я

о тебе прежде, ныне же око мое видело тебя» (ср.: Иов, 38, 3—17; 42, 1—5). Обрати внимание на следующее: как Давид одним броском из пращи сокрушил голову неодолимого и непобедимого варвара того, Голиафа, так и всю вашу твердыню одно это изречение разрушило. Все прочие слова, то есть: «Где ты был, когда я основал Землю», и «Когда появились звезды, восхвалили меня громким голосом все ангелы мои и воспели», и «Я заградил море воротами», и «Ты ли, взяв прах с земли, создал животное и говорящим поставил его на Земле?», — несомненно представляют все сотворившего Бога. А вот слова «Отверзаются ли тебе со страхом врата смерти, привратники же адские, увидев тебя, ужасаются ли?» к кому можно отнести, если не к распятому по плоти Богу, увидев которого, адские стражи, демоны, ужаснулись и как воск при виде огня, по словам Давида, растаяли и, как дым, исчезли (ср.: Псалом 67, 3)? Ведь он имел как будто неодолимую для них власть, и он повелевал, а они исчезали, а те, кем они владели, от уз освобождались. Также и хозяевам ада он нанес тяжелую рану, властно схватив их, связав и сковав неразрешимыми оковами. С этими изречениями согласуются слова Давида, поющего: «Плоть моя найдет пристанище в надежде, что ты не оставишь душу мою в аду и не дашь преподобному твоему видеть истление» (Псалом 15, 9—10), — слова, предсказывающие посмертное схождение Христа в ад и последовавшее затем воскресение его со властью. Ибо у кого, кроме Христа, из тех, кто умер за все века, не растлилось тело? Его же тело, претерпев гибель, то есть отделение от обитавшей в нем умной души, нисколько не подверглось разрушению или распаду. Ибо он восстал на третий день, как из утробы морского зверя Иона, тоже прообразующий его погребение и тридневное воскресение.

Еще Моисей говорит в книге «Бытие»: «Вопль Содомский и Гоморрский умножился ко мне; сойду и посмотрю. Авраам же был, стоя пред Господом. И, приблизившись, Авраам сказал: Не погубил бы ты праведника с нечестивым, и будет праведник как нечестивый. Если окажется пятьдесят праведников в городе, не пощадишь ли его ради пятидесяти праведников? Ни в коем случае ты не сделаешь этого, Судия всей земли. Господь же сказал: Если найду в Содоме пятьдесят праведников, пощажу все место ради них. И в ответ Авраам сказал: Я начал ныне говорить к Господу моему, а я есть земля и пепел. А если найдутся сорок пять? И сказал Господь: Если найдутся сорок пять, пощажу город». И так, убавляя понемногу число, Авраам дошел до десяти. Дальше сказано: «И пошел Господь, перестав говорить с Авраамом» (ср.: Бытие, 18, 20—33).

Ты видишь, как в том, что мы сказали об Адаме, и в том, что Бог говорил Иову, и через Авраама и Мелхиседека обнаруживалось божественное таинство Христова воплощения? Хоть и в виде раба предстал Сын Божий перед Авраамом, ибо он явился как человек, но чистая душа праведника опознала в нем Бога, каковым он и был.

Кем же мы можем назвать того, кто явился Аврааму? Богом-Отцом он не был, ибо явился в виде человека, в каком Бог никогда не являлся пророкам. Не был он и ангелом, ибо когда, имея в виду ангела, Моисей или кто-либо из пророков назвал бы его Господом и Судией? Что же остается? Выходит, что это был Сын и Слово Божие, являющийся разом Богом и человеком. Явление его в виде человека перед Авраамом предзнаменовало его будущее воплощение, о чем сам Бог и сказал: «Сойду и посмотрю». А то, что Авраам и Моисей называли его Господом, судящим всю Землю, милующим и воспитывающим, явно свидетельствует о его божественности, ибо судить ее, милуя и воспитывая, никто не может, кроме Бога. А слова «Если найдется столько-то и столько-то, пощажу город» дают понять власть и величие собеседника.

И ведь не только он, но и сын Авраама Исаак был неким прообразом Христа. Ибо как Авраам возвел Исаака на гору, чтобы принести его в жертву, так и Бог своего Сына послал в мир, чтобы принести его в жертву Богу-Отцу ради всеобщего спасения. И как Исаак не умер, вместо же него

был заклан обнаружившийся баран, так и Сын и Слово, то есть божественность, не пострадала, подверглась же смерти Адамова плоть, будучи, как некий баран, принесена в непорочную и святую жертву.

Также и тот, кто повстречался Исааку и боролся с ним всю ночь, кем он был и что он ответил Исааку, когда тот спросил его: «Как тебя звать?» — «Для чего, — сказал он, — ты спрашиваешь об имени моем? Оно чудесно» (Бытие, 32, 29). Если бы он был ангелом, почему бы он сказал, что имя его неизреченно? Ведь имена немалого числа ангелов, и не последнего чина, но и из первого порядка их иерархии, известны. А коли так, почему же, если бы он был ангелом, он сказал бы, что его имя невыразимо и чудесно? На это нет ответа. Только Бог может иметь такое имя. Бог же не открыл его и позже — Моисею, хотя того спрашивали, кто его послал и каково имя посланного; только «Сущий», сказал он, и больше ничего. Обрати внимание: как во времена Авраама Сын Божий являлся в человеческом виде, так и тут: как человек боролся он с Иаковом — настолько задолго до времени своего воплощения.

Еще божественнейший пророк Моисей, предвещая его воплощение, говорил: «Возвеселитесь, небеса, вместе с ним, и да поклоняются ему все ангелы Божии; возвеселитесь, народы, с людьми его, и да укрепятся им все сыновья Божии, ибо за кровь сыновей своих он мстит и отомстит, и воздаст месть врагам, и ненавидящим его воздаст, и очистит Господь землю людей своих» (Второзаконие, 32, 43). Ведь слова «да поклонятся ему все ангелы Божии» обнаруживают два лица: имеются в виду Божии лица, а также факт поклонения ему ангелов Божиих. Ясно, что не кому-либо иному они будут поклоняться, как Сыну Божию, которому воздают такое благоговение и почесть ангелы Божии. Но не только это предсказал пророк такими словами, но также низвержение иудеев и призвание народов, ибо: «Возвеселитесь, — сказал он, — народы, с людьми его, и да укрепятся им все сыновья Божии, ибо за кровь сыновей своих он мстит, и отомстит, и воздаст врагам и ненавидящим его воздаст, и очистит Господь землю людей своих», то есть народов.

Еще сам Моисей, предвозвещая воплощение Сына и Слова Божия, сказал: «Восставит Господь Бог из братьев наших пророка, как меня, и всякая душа, которая не послушает его, истребится» (Второзаконие, 18, 15—19). Слова «как меня» показывают не что иное, как то, что тот, о ком он предвозвещает, — человек, и придет от Бога, а не будет неким обманщиком или лжепророком. А слова «из братьев наших» — что он будет из евреев, а не из какого-либо иного народа. А если кто-нибудь впоследствии скажет, что он такой же пророк, посланный от Бога, как многие лжепророки и обманщики, появлявшиеся в Иудее, пусть ему не верят и не принимают его и пусть он будет изгнан отовсюду как обманщик и лжец. Смысл же изречения таков: как я вас избавил от горького рабства египтянам и дал Закон для вашего спасения, так и предвозвещенный мною пророк освободит весь мир от пагубнейшей власти и тирании дьявола и от беззаконного наисквернейшего культа идолов и дарует всем Закон освобождения. И пророк Давид говорит: «Сказал Господь Господу моему: сиди по правую руку от меня, пока я положу врагов твоих в подножие ног твоих» (Псалом 109, 1).

К с е н: Здесь, царь, я больше сдержать себя не могу: пусть все остальное вы стараетесь насильственно истолковать по-своему, но это никто не дерзнул бы связать с кем-то иным, кроме Езекии, о котором, как всем известно, это и сказано.

И м п е р а т о р: Если бы в псалмах были какие-то темные места вроде многократно высказанных пророками иносказаний и загадок, то была бы и возможность у желающего как-то злоупотребить ими. Поскольку же мне хочется теперь, оставив в стороне множество трудно истолковываемых пророчеств о Христе, взять прежде всего и рассмотреть самые важные, против которых даже весьма невежественный человек не смог бы ничего

возразить, я постараюсь по порядку разъяснить тебе все содержание псалма.

Прежде всего осознай, что говорит эти слова не кто иной, как царь. А раз это так, а не иначе, почему же он говорит в начале: «Сказал Господь Господу моему»? Кого он называет своим Господом? Неужели Езекию? Возможно ли допустить, что, одному лишь Богу подвластный в своем царствовании и господстве, Давид называет своим господом Езекию? А если не Езекию, значит ли это, что можно найти какого-то другого господина для Давида? Некого совершенно. Остается считать, что он имеет в виду Господа, то есть Бога. О своем Господе, значит, Христе, он говорит, что тот сядет по правую руку от Бога и Отца. Какой мыслью Давид руководствовался, говоря это, тебе станет яснее из дальнейшего.

Почему он сказал: «Жезл силы пошлет тебе Господь с Сиона, и ты господствуй среди врагов твоих. С тобою власть в день силы твоей в сияниях святых твоих. Из чрева прежде денницы родил тебя. Поклялся Господь и не раскается: ты священник во век по чину Мелхиседекову»? (Псалом 109, 2—4).

Слова «сиди по правую руку от меня» Бог говорит воспринятому его Сыном и Словом человеку, которого, начав существовать во времени во плоти, тот освятил от самого зачатия и прославил. Желая показать, что Бог-Отец безначален, человек же, которого его Сын-Слово воспринял, имеет начало во времени, пророческое слово говорит: «сиди», — являя таким образом свойственную плоти способность сидеть и пребывать, а с помощью образа седалища — величие чести. Воспринятая ведь Господом от нас плоть благодаря соединению с божеством и освятилась, и сидения по правую руку от Бога-Отца удостоилась. Божество же ни в коей мере не подверглось телесным страданиям.

Ведь как железо, соединившись с огнем, не передает ему свою черноту и холодность, а, скорее, само воспринимает его блеск и сияние, равно как и жар, так и едиnorodный Божий Сын-Слово передал плоти величие своей божественности, не сделавшись сам причастником ее страданий. Он соединился с ней, никаким беспорядку или изменяемости не подвергнув свою божественность. Пребыв каким он был и прежде соединения Богом, он и освятил воспринятое, и прославил, и места по правую руку Отца удостоил.

О правой руке Бога говорится не в том смысле, что он имеет ее или левую, нет, конечно, или что он опирается, сидя или стоя, или вообще что-либо из того, что свойственно телам, делает или претерпевает, поскольку он вне всего, что существует телесно, — он ведь везде присутствует и все наполняет, — но чтобы с помощью образа седалища и правой стороны показать сверхъестественность чести.

Враги же, о которых он говорит, что положит их под ноги его, это — дьявол, смерть и почитающие идолов люди, неразумно на них уповающие. Хотя и теперь кажется иногда, что дьявол жив, но поистине он умер и погиб, поскольку были единожды ниспровергнуты его тирания и власть, когда Христос связал его и заковал и всех, кого тому прежде удалось поглотить, решительным образом освободил из его утробы.

Это ведь предвидя, пел Давид: «Взойдя на высоту», — имеется в виду на крест, — «ты пленил плен и раздал дары людям» (Псалом 67, 19), то есть находящимся под властью дьявола, а скорее, насильно им удерживаемым; ты отпустил их, развязав, и дал людям все противостоящие им силы его как дары, то есть возможность почитать и поругать то, чем они были прежде поработаны, чтобы не оказывалось благодаря тому оболганным истинное имя человека. Ведь эллинские мудрецы определяют человека как животное разумное, смертное, восприимчивое к уму и наукам, как оно есть и на самом деле.

Но это не последний предел для настоящего в собственном смысле слова человека. Ибо человек в собственном смысле слова тот, кто сохраняет неоскверненным и целым то, что в нем по образу и по подобию Божию.

Как мы говорили, Господь, разрушив владычество и царство ада, отдал его на поругание и уничтожение святым. Но кажется, что ад еще мечется, потому что он не полностью предан еще ждущему его огню, и в этом нет ничего странного. Когда, приступя к кому-нибудь, он осиливает и оказывается принят, он делает свое дело, всякими способами стараясь, чтобы такой человек оказался соучастником его осуждения и гибели. А если упомянутым мной людям случится быть поистине не зря носящими имя человека, то он оказывается далеко отогнанным и попираемым рабами Божиими. Разрушив подобным образом и смерть и тление, каковым был осужден за ослушание Адам, а из-за него и его потомки, он даровал людям бессмертие и нетление. Да и не только это: он совершенно уничтожил также служение и поклонение идолам.

Вот это и значит слова «доколе положу врагов твоих в подножие ног твоих», — имеется в виду — врагов его и Отца, ибо враг одного из них есть враг обоих. Произведя из своего нутра единственно истинные и справедливые разум и культ, он дал их всем.

Ты не подумай только, что слова «доколе положу врагов твоих» предполагают, что Отец споборствует Сыну как неспособному осилить: он хотел ими показать единство своей и сыновней силы. Как в Евангелиях Сын говорит: «Никто не приходит к Отцу, кроме как через меня» (Иоанн, 14, 6), так и здесь говорит Отец: «От меня враги твои падут под ноги твои. Жезл силы пошлет тебе Бог Господь с Сиона, и господствует среди врагов твоих». Что за жезл Богом с Сиона и кому послан? Езекии? Ни в коем случае. Человеку, которого воспринял Сын и Слово Божие. Говоря, что он пошлет жезл силы с Сиона, он имел в виду крест, водруженный на Сионе. «Ибо с Сиона, — сказал Исая, — выйдет Закон, и Слово Господне из Иерусалима» (Исайя, 2, 1). И как жезлу, находящемуся в руках пастыря, сообщается способность пасти стадо и отгонять от него зверей, так и крест и Евангелие для принимающих божественное крещение, пребывающих в нем и внимающих апостольским учениям и преданиям, являются своего рода жезлом, направляющим их на божественные нетленные райские пажити, а для слушающих и противящихся — жезлом силы, одних возвращающим — заблуждающихся и отбегавших в сторону, а других и совсем отгоняющим, ведь крестом был побежден дьявол. Силою креста и имени к нему пригвожденного были совершены очень многие удивительные чудеса. Надо ли много говорить? Силою креста и Евангелия целая вселенная божественной проповеди вяла и люди стали рабами Христа, а по обетованию, через Христа, сыновьями Авраама, так как сам Христос происходил от семени Авраама. Тогда-то он и стал господствовать среди врагов своих.

Обрати внимание на точность пророческих слов: почему он не сказал «побеждай» врагов своих, но «господствуй» среди них? Побеждать ведь не значит господствовать среди врагов: когда кто-либо одолевает часть вражеской силы, полностью своих врагов он еще не поработит. Господствовать же значит раз и навсегда подчинить себе своих врагов. Он и сказал «господствуй», показывая тем самым свою превосходящую силу и окончательное низвержение его врагов. Так же точно и «среди» указывает на мощь его владычества. Ведь проповедь, совершавшаяся в среде столь сильных врагов, превозмогла их всех, одних посрамив и, как зверей, отгнав, а других присоединив к себе. Подумай, среди какого количества и сколь великих стран и городов, бесновавшихся от вакханалий идолопоклонников, и сами апостолы, и те, кто воспринял от них их проповедь, учреждали жертвенники и создавали храмы, и делали это, как я уже сказал, подвергаясь многим мукам и невыносимым карам.

Слова «с тобою власть в день силы твоей» имеют в виду власть, свойственную по природе, а не извне пришедшую, как у многих. На это указывают слова «с тобою», приличествующие одному только Богу и никому другому. Об этом же сам Давид сказал в другом псалме: «Царство твое —

царство всех веков, и владычество твое во всяком роде и роде» (Псалом 144, 13). То же самое и здесь он говорит словами «с тобою власть в день силы твоей». А в какой день? В тот день, когда крест будет иметь дерзновение, когда все народы уразумеют твою непобедимую силу и твое безмерное снисхождение, что и произошло. Предвидя это обращение народов, тот же Давид сказал: «Веселитесь, народы, с людьми его» (ср.: Псалом 66, 4—5) и «Хвалите Господа, все народы, хвалите его, все люди» (Псалом 146, 4). И Исайя сказал: «Будет корень Иессеев, и восстающий обладать народами, на него будут уповать народы в сиянии святых твоих» (ср.: Исайя, 11, 10). Каких же святых? Пророков, апостолов, мучеников, преподобных, которые на глазах безумных умерли со славой, каковые мирно пребывают в руке Божией, как сказал Соломон (ср.: Экклесиаст, 9, 4), и каковые, по словам Евангелия, ярче солнца воссияют во второе Христово пришествие (ср.: Матфей, 13, 43).

«Из чрева прежде денницы родил тебя» (Псалом 109, 3). О ком из когда бы то ни было родившихся можно сказать, как о родившемся прежде солнца? Воистину ни о ком. Уж не об Езекии, о котором вы лживо говорите. Это сказано настолько точно, что не может быть применено даже к ангелам, так что никто пусть не думает, что это сказано о ком-то из них. Слова «из чрева» указывают на единосущие рожденного с родившим.

Видишь, как ясно и точно показывает его Давид Богом и человеком, имеющим ту же сущность, что и родивший его Отец. Ведь словами «сказал Господь» он явил Отца, а дальнейшими словами: «Господу моему», «сиди по правую руку от меня, пока не положу врагов твоих в подножие ногам твоим», «жезл силы пошлет тебе Господь с Сиона» и «господствуй среди врагов твоих» — он указал на человека, которого воспринял Сын и Слово Божие; словами же «из чрева прежде денницы родил тебя» засвидетельствовал истинность сыновства и тождество по существу. Если, как где-то сказано, каждое животное и растение по необходимости рождает себе подобное, то тем более так обстоит дело, думаю, и с превосходящим все Богом, рождающим единосущего себе Сына. Выражение же «из чрева» — разъясняющее уподобление; во всяком случае думать о чреве в прямом смысле применительно к Богу не подобает.

«Поклялся Господь и не раскается: ты священник вовек по чину Мелхиседека». Ведь как Мелхиседек был священником Бога всевышнего, а при этом царем Салима, то есть мирной жизни, встретившим возвращавшегося после битвы с царями патриарха Авраама, имевшего обетования, благословившим его и взявшим от него десятину, так и Христос ведь священник, поскольку принес себя в жертву ради всеобщего спасения, отличаясь от Мелхиседека лишь тем, что тот, будучи человеком, как человеку и подобает, умер, а Христос есть священник вовек, так как будучи единыжды принесен в жертву и заклан, он пребывает вовеки. И как тот благословил Авраама, по плоти — отца иудеев, а по обетованию — отца всех народов, и обрезанных и необрезанных, и меньшее благословляется большим, и десятину от него принял, так и сделавшийся священником по чину Мелхиседека Христос стал Господом всех народов, и необрезанных и обрезанных. Ведь немалое число и обрезанных поверило в имя его, хотя гораздо больше осталось неверовавших.

Слова же «Поклялся Господь и не раскается» должны явить то, что поскольку всякий, кто клянется, клянется, либо себя считая недостойным того, чтобы ему поверили, полагая, что благодаря клятве его словам поверят, либо зная, что слушающий малодушен и неспособен ему поверить, если он к своим словам не присовокупит клятву. «Поклялся» Бог говорит не из-за себя самого — какая в этом нужда? — но из-за непослушания, упрямства и жестокости ваших отцов по отношению к тому обетованию, что Христос будет священником вовек по чину Мелхиседека, а не по чину Аарона. Но ничего не помогло, даже клятвы оказалось недостаточно, чтобы вас убедить и неразумное ваше сердце привести к разумению, и то, что

божественный пророк сказал о Христе, вы не побоялись в высшей степени неразумно отнестись к Езекии.

А слова «из потока на пути выпьет, и потому вознесет главу» (Псалом 109, 7) указывают на простоту и незатейливость образа и мест жизни его, почти буквально предсказывая, что он настолько смирит себя и так скромно будет жить, что негде ему будет голову преклонить и даже жажду придется утолять из каких попало случайных потоков и вод. А то, что он вознесет главу, означает, что он вознесет воспринятую им человеческую природу на небеса и посадит по правую руку от Отца. Разве это имеет в виду Езекию, а не Христа? Кто столь далеко ушел от ума, чтобы такое хотя бы только и помыслить? Вот каково содержание этого псалма, и все в нем ясно проповедует Христа.

Давай посмотрим теперь сказанное тем же пророком о Христе в семьдесят первом псалме: «Боже, — говорит он, — суд твой царю дай, и правду твою сыну цареву» (Псалом 71, 1).

К с е н: Неужели же и здесь вам без извращения не обойтись, и вы, и на эти слова нападая, на Иисуса их перетолковываете? Но всем ведь ясно, что они сказаны Давидом о его сыне Соломоне, который был и царем, и сыном царевым.

И м п е р а т о р: Вот, Ксен, справедливость того, о чем я много раз раньше говорил, — что во многой лжи вы повинны, — становится теперь явной. Я опускаю вопрос о том, в омонимии ли дело, то есть в том ли, что Соломон — и царь, и сын царев, причина этого вашего заблуждения, или же в бездеятельности, если не сказать лживости ума и общем враждебном отношении ко Христу, заставляющих вас полагать, что другие воспринимают заблуждения вместо сущего. Сами вы при этом считаете истиной призрак, постоянно из поколения в поколение принимая от своих предков как некое наследие ложь и делаясь ее учителями для следующих поколений. Совершенно неизбежно, как я уже сказал, где-нибудь, вы, слепотствующие, следующие за такими же, как вы, предшественниками, упадете и разобьетесь. Ибо предки ваши сильно против истины погрешили, а вы ничем их не лучше, разве только еще больше от нее уклонились. Но оставим эту тему. И ты эти ваши надуманные искусственные предположения оставь, если хочешь вернуться к нашему разговору.

Подумай, согласен ли ты с беспорностью того, что я тебе говорю. Все в этом псалме имеет великий и чудесный скрытый смысл, значение же первого стиха совершенно исключительно. Хоть ты и раздражаешься и готов сопротивляться истине, я все-таки попробую, насколько это в моих силах, сделать для тебя все более доступным и ясным, как и раньше старался.

«Боже, — говорит Давид, — суд твой», — значит, решение свое — «даруй царю». Какому царю? Да тому, о котором сам же Давид говорит в сорок четвертом псалме: «Престол твой, Боже, во век века, жезл правоты — жезл царства твоего, ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие, посему помазал тебя, Бог, Бог твой елеем радости более участников твоих» (Псалом 44, 7—8). Рассмотрим все по порядку. Словами «Престол твой, Боже, во век века» он указал на величие божественности Сына своего и непреходящий характер, вечность и бесконечность его царства, а словами «жезл правоты — жезл царства твоего, ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие» — на человека, которого воспринял Сын, имеющего все, что свойственно плоти, кроме греха. Именно на это он указал словами «возлюбил правду и возненавидел беззаконие». Добавив же «посему помазал тебя, Бог, Бог твой елеем радости более участников твоих», он сказал и то и другое, одновременно указал и на Бога и на человека в одной и той же ипостаси. Ведь слово «помазал» обнаруживает плоть — она ведь была помазана, слово же «Бог» — вместо слов «о, Боже» — что помазан Сын, а слова «Бог твой», обращенные к воспринятому, — Отца, ибо для него он Бог, а не для Сына. Именительный падеж слова

«Бог» предпочтен здесь звательному потому, что переводчики — семьдесят толковников божественного Писания — больше, чем с другими эллинскими диалектами, были знакомы с говором афинян. Ведь у тех по большей части можно найти такие выражения, как «друг» вместо «о, друже». Подобным образом и здесь сказано «Бог» вместо «о, Боже». Слова же «Бог твой» имеют в виду Отца, будучи, как мы сказали, обращены к воспринятому, ибо для воспринятого Отец есть Бог, а не для Сына.

Слыша о двух природах, человеческой и божественной, и о двух сыновьях, о Сыне Божиим и Сыне человеческом, ты не подумай только, что речь идет о двух ипостасях или о двух разных сыновьях, но припомни тот образ, который я тебе привел немного раньше, — образ железа и огня. Ведь как железо и огонь, соединившись друг с другом, становятся единой ипостасью, каждый имея при этом совершенно отличную от другого природу, так и мой Христос, будучи по природе единουσущным Отцу Богом, соединившись невыразимым и выходящим за пределы всякого объяснения образом с плотью, стал единой с ней ипостасью. Словами невозможно объяснить происшедшее чудо — как две чуждых друг другу и на человеческий взгляд совершенно несоединимых природы стали единой ипостасью, полностью соединившись и при этом сохранив свои собственные свойства, так что слияния и смешения их совершенно никакого не последовало, даже такого, как у железа и огня: железо делается ипостасью огня, а у Христа наоборот — ипостась Сына Божия сделалась ипостасью и плоти.

Итак, поскольку, как сказано, слова «Бог твой» обращены к восприятию и относятся к нему, сказав «жест царства твоего, ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие», Давид добавляет, как если бы тому за таковую добродетель было дано воздаяние: «... посему помазал тебя Бог твой елеем радости больше причастников твоих». Каких причастников? Был обычай, когда священников и царей избирали царями и священниками, изливать им на головы из рога масло помазания; таким образом некогда был помазан и сам божественный пророк Давид, — когда извергся на него забивший ключом елей, а также Саул — руками Самуила, помазавшего и Давида, а прежде них Аарона помазал в священники его брат пророк Моисей.

Обрати внимание, что Давид сказал не просто «помазал тебя Бог елеем», но — «елеем радости». Всех прежде Христа помазанных священников и царей помазывали ведь приготовленным маслом, а человека, которого воспринял Сын Божий, помазал Дух божественным и всесвятым елеем радости. Он ведь все святую Христову плоть и помазал, и освятит ее, вознесшуюся. Тем отчасти давалась благодать Духа, а по чину Мелхиседекову царю и священнику Христу все дарования, все дары были даны, сама полнота божества вселилась в его тело. Этого ни о ком из всех когда бы то ни было живших людей невозможно сказать, за исключением человека, сверхъестественным, недоступным для всех ангелов и людей образом появившегося от пресвятой приснодевы Марии.

Конец четвертого слова «Против иудеев».